

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 1 / 2024, Vol. 15, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK124.pdf>

DOI: 10.15862/08FLSK124 (<https://doi.org/10.15862/08FLSK124>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иванов, А. О. Еще раз к вопросу о хронологии возникновения и распада славянских назальных гласных / А. О. Иванов // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK124.pdf>. DOI: 10.15862/08FLSK124.

For citation:

Ivanov A.O. Once again to the problem of the chronology of the emergence and decay of Slavic nasal vowels. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024; 15(1): 08FLSK124. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK124.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/08FLSK124.

УДК 81-3

Иванов Алексей Олегович

Независимый исследователь
E-mail: lesha-ivanov@yandex.ru

Еще раз к вопросу о хронологии возникновения и распада славянских назальных гласных

Аннотация. Мы показываем, что уже в самых первых примерах дошедшей до нас славянской лексики VI–VIII веков (славянская ономастика в византийских источниках, славянская топонимика на территории Греции, славизмы в румынском языке) присутствует достаточно большой пласт терминов с назальными гласными. Это убедительно говорит о том, что обсуждаемое фонетическое явление возникло в праславянские времена ещё до появления самих славян на исторической арене. Анализируя распад назальных гласных в восточнославянском языке, мы показываем, что общепринятая аргументация об исчезновении этих гласных в X в., основанная на названиях днепровских порогов у Константина Багрянородного (Νεασήτ и Βερούτζη), очень слаба. Данные византийских источников, например, упоминание имени Святослав в форме Σφενδοσθλάβος / Σφενδοσθλάβον в трактате Льва Диакона, описывающие события 971/972 гг., убедительно свидетельствуют, что назальность в княжеской антропонимике в X в. еще сохранялась. Мы показываем, что тезис об исчезновении назальных гласных на Руси в X в., приобретший в современной лингвистической среде характер императивной идеологемы, некорректен и по форме, и по сути. Хронология распада назальных гласных определялась конкретной гласной. Антропонимы с малым юсом сохраняли свою назальность до второго — третьего десятилетия XI в. На примере лексемы сжбота мы демонстрируем, что ее назальная фонетика была позаимствована в кыпчакские диалекты при первых контактах русских князей с половцами в середине XI в. Термин шамбе / šənbə / šenbe станет основой для обозначения дней недели в иранских и ряде тюркских языков. Назальность в произношении слов с большим юсом в древнерусском языке была утрачена только в последних десятилетиях XI в.

Ключевые слова: назальные гласные; юсы; славянская топонимика; неясить; днепровские пороги; княжеская антропонимика; суббота; половцы

Еще в начале XIX в. академик А.Х. Востоков обнаружил в раннеславянской фонетике две гласные, которые произносились через нос и для которых составители первых славянских алфавитов придумали самостоятельные буквы. Большой юс Ж обозначал назальную «О» (современный символ Q, глаголический символ 1), малый юс А обозначал назальную «Е» (современный символ Ҙ, глаголический символ 0). В современных славянских языках эта фонетика сохранилась только в польском языке (буквы ą и ę соответственно). В ходе фонетической эволюции в других современных славянских языках назальность исчезла, в восточнославянских языках большой юс перешел в фонему «У», малый юс — в «Я». В остальных случаях четкой закономерности нет, все определяется эволюцией конкретного языка.¹

В качестве иллюстрации можно привести два примера с индоевропейской этимологией. Для названия домашней птицы «гусь» (лат. *anser*; др.гр. *χῆν*; санскр. *haṅsa*) восстанавливается праславянская лексема *gosъ или раннеславянская *гъсь, которая в современных славянских языках превратилась в белорус. *гусь*, болг. *гъска*, босн. *guska*, лужиц. *hus*, макед. *гуска*, польск. *gęś*, серб. *гуска*, словац. *husk*, словен. *gos*, укр. *гусак*, хорв. *guska*, чеш. *husa*. Для слова «святой» (лат. *sanctus*; санскр. *sādhu*) восстанавливается праславянская лексема *svęть или раннеславянская *свѣть (совпадающая с ц.слав. *свѣть*), которая в современных славянских языках превратилась в белорус. *святы*, болг. *светец*, босн. *svetac*, лужиц. *swjećica*, макед. *светец*, польск. *święty*, серб. *свети*, словац. *svätý*, словен. *svetnik*, укр. *святой*, хорв. *svetac*, чеш. *svatý*.

Согласно современным фонологическим теориям, возникновение и распад назальных гласных тесно связаны с законом открытого слога и тенденцией к возрастанию звучности. Это выглядит вполне логичным: если праславянский закрытый слог оканчивался на *-ен*, *-ом* или *-он*, а следом шел слог, начинающийся на твердую согласную, то это сочетание фонем превращалось в гласную, произносимую ринезмом, через нос, и этот первый слог становился открытым.² Соответственно, падение *-еров*, происходившее на рубеже I и II тысячелетий и свидетельствующее о прекращении действия закона открытого слога, сопровождалось исчезновением назальных гласных.

Уточнение хронологии возникновения славянских назальных гласных

Если относительная хронология не вызывает вопросов, то абсолютная хронология возникновения и распада славянских назальных гласных до сих пор привлекает внимание исследователей. В доступных нам публикациях в качестве самого раннего примера славянской ономастики с назальными гласными дается ссылка на книгу «Управление Империей» византийского императора Константина Багрянородного, правившего с 944 по 959 гг. Там приводятся назальные имена славянских вождей — моравский князь IX в. Святополк (Σφεντόπλκος), сербский князь IX в. Мутимир (Μουτιμῆρος) и русские князья X в. Игорь (Ἰγγωρ) и Святослав (Σφενδοσθλάβος).

Однако есть существенно более ранние примеры славянской ономастики с этим фонетическим эффектом. В своем обзоре «Славяне в Греции» Макс Фасмер приводит достаточно большой массив примеров славянской топонимики на *o/ov/om*, например

¹ См., например, обзор Селищева [1, стр. 139–152].

² Разумеется, по этой схеме назальные гласные могли формироваться в конце слова, если до начала действия закона открытого слога это слово оканчивалось на *-ен/-ом*, см. [1, стр. 152. В этом смысле запретом на реконструкцию назальной гласной является то, что следующий слог начинается с гласной или мягкой согласной. Ср. имя, но имена.

Λογγός/Λογγά (*Łogъ/*Łoga); Δούνιτσα / Δομπούς / Δομβραίνα (**Dob(e)nica* / *Dobъ / *Dobraina) [2, s. 272–273] и на ε/εν — Λεντίνη (*Łedina), Γρεντά (*Gręda), Ρεντίνα (*Rędina*) [2, s. 275].

Массовое переселение славян в Грецию и образование славянских топонимов начинается на рубеже VI и VII веков, когда после аваро-славянской экспансии 580-х [3, с. 286–287] греческие территории фактически выпали из-под протектората Византии. Этот период продолжался около двух веков и закончился на рубеже VIII и IX веков, вошедших в историю разорением войсками императрицы Ирины и императора Никифора I большинства колоний-славиний южнее Македонии. Установить более точную датировку возникновения этих топонимов затруднительно.

Имеются и другие заимствования славянской назальной фонетики, например, в современном румынском языке есть слова *dumbravă* с семантикой «дубрава, молодой лес»³ и *prund* с семантикой «гравий, галька, галечный берег, галечное дно».⁴ О заимствовании слова «суббота» с акающей (что говорит о древности заимствования) и назальной фонетикой — *sâmbătă*, см. ниже. Начало вторжения славян в земли латинизированного дако-фракийского субстрата также относится к 580-м годам.

Еще более раннее свидетельство назальной славянской антропонимики приводится у византийского хрониста Менаандра Протектора. При описании похода аварского хана Баяна на земли придунайских славян в 578 г. упоминается, что авары вступили в конфликт со славянским вождем по имени Δαυρέντιον [3, с. 177, 211]. Согласно консенсусу среди исследователей той эпохи, здесь однозначно восстанавливается имя *Dobręta.⁵

Наличие назальных гласных в достаточно древней славянской ономастике ставит под сомнение те фонологические теории, которые предполагают возникновение этого фонетического явления после VI века.⁶ Более вероятным представляется наличие назальных гласных в общеславянском языке и в праславянских диалектах еще до появления самих славян на исторической арене в 512 г. [3, с. 320]. Наверно некоторым преувеличением выглядит точка зрения В.Н. Чекмана, который пишет «...существуют веские доказательства в пользу того, что назализация является балто-славянским явлением...» [8, с. 152], но мы придерживаемся позиции, что возникновение славянских гласных относится к первым векам до нашей эры.

Вопрос о хронологии распада назальных гласных в древнерусском языке

Вопрос датировки исчезновения назальных гласных в древнерусском языке также не совсем ясен. В публикации 2001 г. А.А. Зализняк достаточно категорически заявляет: «Показания Новгородского кодекса являются, таким образом, важным дополнительным

³ Это слово, с какого-то момента воспринимаемое уже как исконно румынское, дало сотни топонимов с румынскими суффиксами, см. [4, с. 10], что косвенно свидетельствует о достаточно раннем заимствовании этого славизма.

⁴ В словаре Срезневского для слова **прудь/прждь** (см. [5, т. 2, с. 1614]) есть два значения — во-первых, «поток, напор, стремление», во-вторых, «запруда, гать». Кроме этого, там же есть прилагательное **прудный** со значением «имеющий мели, подводные камни, порожистый». Современный польский язык для слова *prąd* поддерживает первую семантику (течение, ток), в современном русском слово пруд имеет вторую семантику (водоем), в румынском славизме *prund* видна третья семантика. См., также, [6, т. 3, с. 388].

⁵ [3, с. 349–350]. Скорее, с учетом праславянского и раннеславянского аканья, речь идет об имени *Dabręta.

⁶ Например, Арношт Лампрехт, ориентируясь на собственные фонологические соображения и на чехословацкий материал, пишет: «Носовые гласные возникли после палатализации альвеолярных согласных, т. е. после 750 г. <...> По нашему мнению, они возникли в 750–825 гг. и просуществовали на территории Чехии без изменения примерно до 950 г. (исчезают в 950–1025 гг.)» [7, с. 69].

свидетельством в пользу известного тезиса о том, что в начале XI века в древнерусском языке носовых гласных уже не было». ⁷ Но десятилетием раньше в комментариях к назальной славянской ономастике у Константина Багрянородного его позиция была не такой однозначной: «*Вопреки распространенному мнению <...> сочинение Константина не может служить прямым свидетельством того, что к середине X в. носовые гласные в древнерусском языке уже утратили свой носовой характер. <...> Исследование древненовгородского (по материалам берестяных грамот) и древнепсковского диалектов показало, что полного единства здесь в действительности не было. Соответственно, и процесс деназализации носовых гласных в принципе мог протекать в разных восточнославянских говорах отнюдь не одновременно. Соответственно, написание с *v* и без *v* в сочинении Константина говорит скорее в пользу именно такого предположения*». ⁸

Попытаемся привести аргументы в пользу той или иной датировки и предложить свои соображения.

Аргументы в пользу того, что назальные гласные исчезли из древнерусского языка в X в.

В трактате Константина Багрянородного упоминаются славянские названия двух днепровских порогов — четвертый по счету «*Νεασήτ, διότι φωλεύουσιν οἱ πελεκᾶοι εἰς τὰ λίθάρια τοῦ φραγμοῦ*» [10, с. 46] (*Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны*) и шестой «*Верούτζη, ὃ ἐστὶν “βράσμα νεροῦ”*» [10, с. 48] (*Веручи, что означает «кипение воды»*). ⁹

В соответствии с этимологией, подсказанной императором, в первом слове лингвисты видят название птицы «неясыть», которая упоминается в старославянских текстах как **неасыть**. ¹⁰ Но поскольку у Константина Багрянородного вместо комбинации «*εν*», которая соответствует малому юсу, стоит альфа, было выдвинуто предположение, что к моменту передачи императору этого славянского названия порога в разговорных восточнославянских глоссах уже прошла деназализация. ¹¹

Во втором слове, в соответствии с императорской этимологией, современные лингвисты видят морфологическое производное от глагола **вьръѣти** (*кипеть, бурлить*). ¹¹ Это выглядит логично, например, в таких морфологических производных глагола *кипеть*, как *кипятить, кипяток, кипячение* отчетливо видна фонема «я» перед твердой согласной и можно предположить наличие малого юса и назальную фонетику предков этого слова. Отсюда выдвигается гипотеза, что поскольку в императорском тексте в названии шестого порога стоит дифтонг «*ου*», соответствующий раннеславянскому и древнерусскому дифтонгу «*оу*», то ранее там стоял большой юс, но к середине X в. прошла деназализация и он превратился в звук «*у*».

⁷ [9]. Как мы покажем ниже, те статистические данные, которые приводит академик по юсам и продуктам их распада в Новгородском кодексе, свидетельствуют об обратном. К сожалению, безапелляционное и категорическое утверждение об отсутствии назальных гласных в древнерусском языке в X в. часто встречается в лингвистических публикациях не как научно доказанный факт, а как религиозно-подобный императивный постулат.

⁸ [10, с. 311]. См., также [11, с. 39–41], где на диалектном материале как русского, так и других славянских языков показано, что чередование *e ↔ ā*, а иногда даже *e ↔ e* в диалектизмах дошло до наших дней.

⁹ Или к XX в. русло Днепра несколько изменилось, или информаторы Порфиригенета ошибались, но перед строительством Днепрогэса фиксировалось девять, а не семь порогов — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытец, Вовниговский, Будильский, Лишний, Вольный (см. [12, с. 24]). Очевидно, что *Νεασήτ* это Ненасытец, а под *Верούτζη* или «кипящим» понимается или Сурский или Лоханский [12, с. 27].

¹⁰ Левит 11:14 «*и́ неасыти и́ ѣктіна и́ подобныхъ симъ:*».

¹¹ См., например, [13, с. 43].

В текстах первых, дошедших до нас памятниках древнерусской письменности Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.) и Новгородском Псалтыри (ориентировочно 999–1036 гг.¹²), наблюдается чередование **Ж** ↔ **Оу**. С точки зрения исследователей, это говорит о том, что в разговорной глоссе древнерусского языка назальность уже была потеряна и писцы, теряя концентрацию, ошибались при переписывании старославянских текстов, писали, как произносится.

Рассмотрим эту аргументацию подробнее.

Обсуждая лексему «неясыть» целесообразно отдельно рассматривать три слова — орнитологический термин, библейские термины и название днепровского порога.

В современном русском языке термином «неясыть» обозначается сова вида *Strix aluco*, обитающая в Европе. Кроме русского и белорусского языка (*няясыць*), в других славянских языках подобной лексики нет, возможно, это диалектизм и/или заимствование у дославянского субстрата. Праславянское происхождение и деназализация «**neesyty* → *неасыть* → *неясыть*» очень маловероятны.¹³

Этимология библейского слова неясна, в словарях Срезневского [5, т. 2, с. 239] и Фасмера предлагается конструкция «не + я-сыть», где *сыть* трактуется как «насыщение», а для объяснения интерфикса «я» предлагается сравнение с зарегистрированным в словаре Срезневского словом *неявѣрь* в значении «неверящий». Совпадение с названием птицы, таким образом, становится случайной омофонией. Если не обращать внимание на путаницу в ветхозаветной орнитологической терминологии, идущую еще от Септуагинты и Вульгаты¹⁴, то

¹² [9, с. 204], уточнение — [14, с. 208–209].

¹³ Во всех известных примерах славянские назальные гласные стоят в корнях слов с исконно праславянской этимологией, **drog* → друг, **lqk* → лук, **dqb* → дуб, **gręda* → гряда и т. д. Поэтому, чтобы в заимствованной лексеме был этот фонетический эффект, она должна считаться фонологически «своей» и быть заимствованной в праславянский период, раньше славянского глоттогенеза, до появления самих славян на исторической арене в 512 г. Приводимые Селищевым [1, с. 152] примеры заимствований — общеславянское слово **kъnędzь/kъnъlazь/kъnъlazь* родственно германскому *Kuning, a rēnędzь/nъnъlazь* (см. польск. *pieniądze* — «деньги») родственно названию германской монеты *Pfennig* — явно были заимствованы в праславянский период, скорее всего еще до нашей эры. В южнославянских языках назальность появилась в заимствованном названии дня недели «суббота» (об этом ниже), но это единственный пример и произносилось ли это слово назально в восточнославянских диалектах до христианизации, неясно. Определенная неразбериха с назальностью возникает в церковных глоссах после христианизации (об этом ниже), но на момент подготовки Порфиригенетом своего трактата христианство на Руси было делом очень узкой социальной группы. Поэтому назальная фонетика для лексики неясать крайне сомнительна.

Отметим, что Фасмер, не приводя аргументов и опираясь на собственную экспертную оценку, также считает недостоверной наличие назальной *ę* в слове «неясыть», см. [6, т. 3, с. 71].

¹⁴ Текст из Псалтыря 101-7 «я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах» в еврейском оригинале Танаха выглядит как «רָכַסְתָּ מִדְּבָרִים לְקִלְקִילֵי מִדְּבָרִים: כְּפִילִין עַל הַבְּרִיחַ», дословно «уподобился я сычу пустынному, как филин на развалинах». Название пустынной птицы לְקִלְקִילֵי, *элькаат*, которая не водится в России и не имеет русского названия, здесь переводится как «сыч». Согласно трактовке рабби Давида Кимхи (РаДаК, 1160–1235), это слово происходит от ее криков, которые напоминают стенание. Из всего текста этого псалма очевидно, что речь идет не о физической пустыне, а об аллегории, о пустыне духовной. Лучше всех этот образ передал Пушкин — «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился», сдвинув всю пернатую фауну в «шестикрылого серафима». Но с переводами Танаха на европейские языки возникает орнитологическая путаница. В Септуагинте (ὡμοίωθην πελεκάνῳ ἐρημικῷ ἐγενήθην ὡσεὶ νεκτικόραξ ἐν οἰκοπέδῳ) и в Вульгате (Similis factus sum pellicano solitudinis, factus sum sicut nucticox in ruinis) место пустынной птицы занял водоплавающий и не гнездящийся в пустынях пеликан. Объяснить этот ляп затруднительно, для пеликана в иврите есть самостоятельный термин פִּלִּיקָנִים, *сакнай*. В церковнославянском переводе намечилось возвращение к первоначальной семантике (Оуподобихса неасыти пвстыннѣй, бѣхъ вкв ношнѣй вранѣ на нѣрищи), но в синодальном переводе XIX в. на месте совы-неясыти снова возник пеликан.

это сочетание семантики и фонетики неплохо согласуется с церковнославянским текстом из книги Иова.¹⁵

Тезис о том, что нужно рассматривать название порога как первичное имя, а не производное от названия совы, хорошо согласуется с культурно-религиозной обстановкой в среде работорговцев-русов. Исповедующие достаточно кровавые древнегерманские культы скандинавы-русы практиковали человеческие жертвоприношения, чему есть свидетельства по всему ареалу их обитания¹⁶. Поэтому представляется, что семантика термина «Ненасытец» обусловлена не столько гибелью судов, сколько ритуальным «кормлением» порога, утоплением части больных, склонных к побегу или неликвидных по другим причинам рабов, ведь именно рабы были основной товарной позицией при торговле с Византией [15, с. 54–99].

Название *Вероўтѣ* для другого порога с предлагаемой Порфиригенетом славянской этимологией «кипеть, бурлить» идеально совпадает по семантике и фонетике с современным украинским словом *вирующий* (бурлящий) [12, с. 27]. Но вопросов здесь больше, чем ответов. Эта лексема вместе со своими чередованиями (бурление — *вирування*, бурлить — *вирувати*) обладает как славянским¹⁷ так и индоевропейским¹⁸ генезисом, скорее всего такие русские слова, как *варить*, *вихрь*, *веретено* тоже относятся к этому этимологическому семейству. Однако очевидно, что следов назальности в этих терминах нет. Они явно выпадают из стандартного ряда славянских примеров с назальными гласными, где при сохранении «консонантного скелета» происходит трансформация *Ж* в польское «*А*», восточнославянское «*У*» и южнославянское «*О*».

В книге Фасмера славянских топонимов на *Вероѹ**/*Віроѹ** также нет. Более того, это слово отсутствует в письменной лексике древнерусского языка. В словаре Срезневского нет терминов с подобной семантикой ни на *вер-*, ни на *вир-*, ни на *вѣр-*, ни на *вѣр-*. Есть неполнозвучное слово *врѣниѣ* с семантикой «кипение», относящееся к XIII–XIV векам [5, т. 1, с. 321]. Лексем *вирующий* / *вирування* / *вирувати* нет в словарях «Историчний словник українського языка под ред. Е. Тимченко, К. 1930» и «Етимологічний словник української мови, К. 1982». Таким образом, нет никаких свидетельств в источниках или в чередованиях дошедших до нас лексем, что в X в. в древнерусской лексике было слово, начинающееся на *веру-* или *вѣру-* с семантикой «кипеть, бурлить» и с твердой гласной после «*у*».

Из вышеприведенных соображений ясно, что аргументация в пользу потери назальности в древнерусском языке еще в X веке очень слаба.

¹⁵ Иов 15-23, о нечестивце: «**Оу́чинѣнь же єсть въ бра́шно неа́сытець: вѣ́сть же въ себѣ́, ꙗ́къ жде́тъ паде́нїа, день же те́мень преврати́тъ є́го**» (Он скитается за куском хлеба повсюду; знает, что уже готов, в руках у него день тьмы). Здесь очевидно употребление причастия *неа́сытець* в значении «ненасытен, вечно голоден». С одной стороны, Танах и книга Иова были переведены на церковнославянский только в 1499 г. в составе Геннадиевской библии, и насколько корректна экстраполяция на 550 лет назад, к середине X в., неясно. Но с другой стороны, другого, альтернативного объяснения, связи названия порога Ненасытец с вечно голодной хищной птицей неясностью, просто не существует.

¹⁶ Адам Бременский упоминает об этом языческом обряде в Уппсале, ибн Фадлан — в Волжской Булгарии, а Георгий Амастридский — в Северном Причерноморье.

¹⁷ польск. *wrzeć* «кипятить»; словац. *vriet'* «кипеть, бурлить»; словен. *vreti* «кипятить»; чеш. *viriti* «кружить, вздыматься»; *vrt* «сверлить, бурить»; *vřeni* «кипение»; *vřiti* — «кипеть, бурлить».

¹⁸ нем. *wirbeln* «кружиться, вертеться, вихриться, бурлить»; лат. *ferveo*, *ferbui*, *fervo*, *fervi* «кипеть, бурлить, хлопотать»; греч. *βράζω* «бурлить»; *βρασμός* «кипеть».

Аргументы за то, что назальные гласные сохранялись на Руси в X веке и исчезли только в XI в.

У Константина Багрянородного упоминаются не только назальные имена славянских вождей, но и назальный этноним Λενζανῆνοι , *lɛdʒane, что фонетически тождественно самоназванию поляков того времени [10, с. 316]. Поскольку польско-византийские контакты нигде и никогда не фиксировались, узнать этот этноним император мог только через восточнославянских информаторов.

В хронике византийского ритора Льва Диакона, в разделе, посвященном нападению дружины Святослава на Болгарию в 970–971 гг., имя Σφενδοσθλάβος / Σφενδοσθλάβων употребляется 19 раз.¹⁹ Судя по подробному описанию внешности Святослава, Лев Диакон или лично присутствовал при переговорах Святослава и Иоанна Цимисхога, или узнал все обстоятельства непосредственно у участников из первых рук. Отсюда следует, что он знал, как к Святославу обращались по имени и что это имя в 971 году произносилось с назальной фонетикой.

У Льва Диакона, как и у Константина Багрянородного, дается назальная форма имени отца Святослава — Ἰγγωρος . Если бы Лев Диакон не узнал это имя от дружинников Святослава или какого-либо другого восточнославянского источника, а скопировал бы его из трактата Константина Багрянородного [10, с. 44], то в тексте его «Истории» стояло бы слово Ἰγγωρ . Это также подтверждает тот факт, что в 971 г. имя «Игорь» еще произносилось в назальной форме.

Сопоставление назальной восточнославянской антропонимики из сочинений Константина Багрянородного и Льва Диакона с названиями Днепровских порогов, чья назальность недостоверна, достаточно убедительно демонстрирует, что в X в. назальность в древнерусском языке еще сохранялась. Естественен вопрос — когда же она исчезла?

Хронология распада назальности малого юса

Поскольку византийские хронисты XI в. не упоминают современную им назальную древнерусскую ономастику²⁰, обратимся к западноевропейским источникам.

Исключим из рассмотрения антропонимику, начинающуюся на гласную.²¹ Например, в соответствии с господствующими на сегодняшний день представлениями, первая часть сложносоставных имен на «Яр*» образована от древнеславянского понятия **jark** в значении «яркий, горячий, сияющий»²², отсюда такие древнерусские понятия, как *жар*, *ярило* (солнце), *яро* (ц. слав. весна) и т. д. Можно достаточно уверенно утверждать, что имена Ярополк и

¹⁹ См. [16, с. 43–83]. Текст на языке оригинала доступен по адресу http://khazarzar.skeptik.net/pgm/PG_Migne/Leo%20Diaconus_PG%20117/Historia.pdf.

²⁰ У Иоанна Скилицы, в его «Обзрении истории», описание нападения печенегов в 1036 г. и гибель 5 византийских военачальников продолжается фразой « $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\sigma\alpha\nu\ \delta\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\iota\ \tau\omicron\nu\ \rho\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma,\ \text{Νεσισθλάβος}\ \kappa\alpha\iota\ \text{Ἰεροσθλάβος},\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\eta\ \rho\omicron\sigma\alpha\mu\iota\ \beta\upsilon\lambda\epsilon\tau\eta\ \tau\omicron\nu\ \rho\omicron\varsigma\ \sigma\upsilon\gamma\gamma\epsilon\eta\varsigma\ \tau\omicron\nu\ \tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\sigma\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\nu\ \text{Ζινίσθλαβος}$ » (И архонты росов Несислав и Иерослав тоже погибли, и архонтом росами был выбран родственник умерших Зинистлав). Судя по построению этой фразы, речь идет о разгромленном печенегами русском отряде на службе Византии. Можно ли фонетически сопоставить имя Ἰεροσθλάβος с Ярославом, не ясно.

²¹ Назальные гласные в начале слова фиксируются редко, см. например, топоним Ομπλοῦ [2, s. 136], соответствующий современным болг. *въбел* и серб. *убао*, *убла* «колодец». Видно, что распад такой гласной нестандартен и отличается от распада назальных гласных в середине слова. В современном польском языке назальные гласные *a* и *ɛ* стоят только в середине слова.

²² См. болг. *ярък* (яркий, светлый); польск. *jarzyc* (светиться, гореть), сербо-хорв. *jârki* (яркий, горячий).

Ярослав изначально писались и произносились через *ÿ*, поэтому из рассмотрения назальных гласных они выпадают.

В «Хронике Титмара Мерзебургского» за 1018 г. приведен очень интересный факт — антропонимика русских князей представлена как в назальной, так и в неназальной форме. В параграфе 32 восьмой главы, посвященном борьбе за Киевский престол, имя «Ярослав» представлено как *Iarizlavus*, а его брата-конкурента Святополка как *Zentepulcus*.²³ Поскольку эта «Хроника» дошла до нас в оригинале и Тимар был современником этих событий (умер в декабре 1018 г.), можно достаточно уверенно утверждать, что в 1018 г. буква *Λ* в словах с корнем *сват** еще произносилась как «*ÿ*».²⁴

К сожалению, в других западноевропейских источниках, современных князю Святополку Владимировичу Окаянному, его имя не упоминается, и проследить распад назального малого юса на этом примере мы не можем. Но в саге об Эймунде (*Eymundar þáttur*), чей сюжет посвящен участию скандинавской дружины в схватке за киевский престол, упоминается *Vartilafr konungr*, полоцкий князь Брячислав²⁵ Изяславич, племянник Ярослава Мудрого, которому служил Эймунд после Ярослава. Поскольку гибель Эдмунда и возвращение его дружины в Скандинавию принято относить к 1028 г., можно констатировать, что потеря назальности в произношении малого юса произошла между 1018 г. (*Zentepulcus*) и 1028 г. (*Vartilafr*). К моменту издания саги в конце XIV века многие детали сюжета достаточно сильно отклонились от исходной исторической канвы, но представляется достаточно вероятным, что нехарактерные для скандинавов имена действующих лиц были зафиксированы ими в период 1015–1028 гг.

Лексема «сжбота» и деназализация большого юса

Единая фонетика славянских названий дней недели²⁶ контрастирует с разнобоем в славянских названиях календарных месяцев и говорит о том, что праславянские племена

²³ MGH Script. rer. Germ., Nova Ser., Bd. 9, s. 530; см. также [17, с. 79–80].

²⁴ Вызывает удивление комментарий А.В. Назаренко к имени *Zentepulcus* [17, с. 80, комм. #110] о том, что назальность вызвана передачей этого имени Титмару, епископу Мерзебургскому через польского информатора. Если для западноевропейских летописцев, знающих латынь и немецкие диалекты, эти имена представлялись бессмысленным набором фонем, то поляки четко бы понимали составное имя Святополк и семантику обеих частей этого имени. Они передали бы его в своей фонетике как *Swęty-pulk/Swentypulcus* с обязательным «w» (или, хотя бы «ш») после сибиланта *S* или *Z*. Также неясна логика тезиса Назаренко, почему поляки должны были следить за фонологическими изменениями в разговорных глоссах своего восточного соседа и зачем им искусственно архаизировать ономастику при передаче информации. Трудно удержаться от иронии, что, согласно этой логике, Лев Дьякон в 971 г. получил фонетику имени *Σφενδοσθλάβος* от поляков 19 раз подряд. Разумеется, это замечание ни в коей мере не означает неуважения к Александру Васильевичу Назаренко (†2022), авторитетному специалисту по контактам Древней Руси с Западной Европой.

²⁵ Согласно современным этимологическим построениям, это имя произошло от слова *брячи* в значении «бряцать». Чередование в современных глаголах «бряцать» и «бренчать» подсказывает, что первая гласная изначально была назальной. См., также, [5, т. 1, с. 187].

²⁶ Понедельник — белорус. *панядзелак*, болг. *понеделник*, босн. *ponedjeljak*, лужиц. *põndžela*, макед. *понеделник*, польск. *poniedziałek*, серб. *понедељак*, словац. *pondelok*, словен. *ponedeljek*, укр. *понеділок*, хорв. *ponedjeljak*, чеш. *pondělí*, ц/слав. *понедѣльникъ*.

Вторник — белорус. *аўторак*, болг. *вторник*, босн. *utorak*, лужиц. *wutora*, макед. *вторник*, польск. *wtorek*, серб. *уторак*, словац. *utorok*, словен. *torek*, укр. *вівторок*, хорв. *utorak*, чеш. *úterý*, ц/слав. *Вѣторъникъ*.

Среда — белорус. *серада*, болг. *сряда*, босн. *srijeda*, лужиц. *srjeda*, макед. *среда*, польск. *środa*, серб. *среда*, словац. *streda*, словен. *sreda*, укр. *серєда*, хорв. *srijeda*, чеш. *středa*, ц/слав. *Срѣда*.

познакомились и позаимствовали парадигму 7-дневной недели задолго до христианизации²⁷ и до глоттогенеза славянского языка. Поскольку день отдыха у славян относится к воскресенью (недѣла — нет дел, ничего не делаем), можно однозначно утверждать, что это понятие попало в праславянскую лексику после

Никейского собора 325 г., когда произошло окончательное размежевание христианства с иудаизмом и день отдыха был смещен с субботы на воскресенье. В IV–V вв. праславянские коллективы активно взаимодействовали с германскими племенами, часть из которых уже была крещена, а часть узнала от крещеных соседей о парадигме 7-дневной недели ввиду близости языков. Поэтому логично предположить, что славяне восприняли эту концепцию от германцев для согласования и синхронизации совместной военной и хозяйственной деятельности. В этом плане верхней хронологической точкой является 470-й год, когда Теодорих Великий увел остроготовов из Паннонии в Далмацию и на среднем течении Дуная начался славянский этногенез.

Приняв свои славянские названия дней недели (понедельник — день после ничегонеделанья, вторник — второй день, среда — середина недели, четверг — четвертый день, пятница — пятый день), славяне сохранили заимствованное название шестого дня, «суббота». Во всех языках лексификаторах, из которых исторически было позаимствовано это слово, еврейское и арамейское שַׁבָּת, *шабат*, древнегреческое Σάββατον, церковно-латинское *sabbatum*, оно не обладало никакой назальностью. Нетрудно видеть, что при заимствовании этого слова в общеславянскую лексику его фонетика также была неназальной, об этом свидетельствует современное польское *Sobota*, в противном случае это слово звучало бы в современном польском как *Sabota*.

Однако в славянской православной церковной лексике X–XI вв. этот термин (за небольшими исключениями, о чем ниже) было принято писать через большой юс. Например, лексема **сѣбота** упоминается в тексте Остромирова Евангелия больше сотни раз, настолько часто, что иногда пишется как сокращение **сѣж**. В Савиной Книге многократно используется похожее сокращение — **сж**. В глаголических Ассемановом Евангелии и Зографском Евангелии несколько десятков раз употребляется слово **ŃĬĀĬŌĀ** только через большой юс. То, что это не причуды переписчиков, а отражение реального произношения этой лексемы среди славян Македонии и славян, живущих вдоль Дуная, подтверждается назальностью заимствований в языках их соседей.

Четверг — белорус. чацьвер, болг. четвъртък, босн. četvrtak, лужиц. štwórtk, макед. четврток, польск. czwartek, серб. четвртак, словац. štvrtok, словен. Četrtek, укр. четвер, хорв. Četvrtak, чеш. čtvrtek, ц/слав. четврѣтъкъ.

Пятница — белорус. пятніца, болг. петък, босн. petak, лужиц. pjatk, макед. петок, польск. piątek, серб. петак, словац. piatok, словен. petek, укр. п'ятниця, хорв. Petak, чеш. pátek, ц/слав. пѣтъкъ.

Суббота — белорус. субота, болг. Събота, босн. Subota, лужиц. sobot, макед. сабота, польск. Sobota, серб. Субота, словац. sobota, словен. sobota, укр. субота, хорв. subota, чеш. sobota, ц/слав. Соубѣѡта.

Воскресенье — белорус. нядзеля, болг. неделя, босн. nedjelja, лужиц. njeźzela, макед. недела, польск. niedziela, серб. недеља, словац. nedela, словен. nedelja, укр. неділя, хорв. nedjelja, чеш. neděle, ц/слав. недѣла.

²⁷ Лингвистические факты свидетельствуют о том, что народы, впервые познакомившиеся с 7-дневной неделей при христианизации, перенимают христианские названия дней недели. Например, готы переняли название пятницы (Παρασκευή) и субботы (Σάββατον) как фонетическую кальку с греческого. Марк 15–42: «jah iujan at andanah̄tja waugraþamma, unte was paraskaiwe, saei ist fruma sabbato» (И как уже настал вечер, — потому что была пятница, то есть день перед субботою). Названия других дней недели неизвестны — они не попали в Библию Вульфила. Церковная латынь также позаимствовала греческое название пятницы, на ней этот отрывок выглядит как «Et cum iam sero esset factum, quia erat Parasceve, quod est ante sabbatum». Таким образом, если бы славяне познакомились с 7-дневной неделей при христианизации IX в., то для крещенных в православие пятница выглядела бы как «ĬĀĎĀŃĚĀĀĀ/Параскева», для крещенных в католицизм «Parasceve».

В современном румынском слово «суббота» пишется как *sâmbătă*²⁸, в современном венгерском как *szombat*²⁹. Достаточно правдоподобным выглядит предположение, что славяне, носители этой назальной лексемы, поднялись вверх по Дунаю и подарили свое понятие швабам и алеманам — в словарях древневерхненемецкого есть слово *sambaſtag*³⁰ в значении «суббота».

Разумеется, мимо внимания современных лингвистов не могло пройти противоречие между отсутствием назальности в языках, из которых было сделано заимствование слова «суббота», и назальностью этой лексемы в славянских языках IX–X веков. Но предлагаемая в качестве решения «назальноподобная» реконструкция византийско-греческого слова *σάββατον [6, т. 3, с. 792], якобы послужившего источником для славянского *Ń1ÁÏÒÀ/сѣбота*, не выдерживает никакой критики.

- Это слово отсутствует в каких-либо византийских письменных источниках того времени. Оно отсутствует в византийском энциклопедическом словаре *Σοῦδα*, посвященном греческой лексике до второй половины X века. Оно отсутствует в еще более полном словаре *Lexikon zur Byzantinischen Gräzität* Эриха Траппа. Этого слова в византийской письменной лексике не существует.

- Слово *σάββατον* имело в византийской лексике не только бытовой смысл как обозначение одного из дней недели, но и религиозно-сакральный смысл как библейский термин.³¹ Поэтому в условиях активного противоборства церкви с еретическими течениями, внутренних интриг и конкуренции за должности, отступление фонетики этого слова от канона могло быть расценено как возникновение апокрифа, что подразумевало, как минимум, снятие сана и отлучение, а возможно, ослепление или казнь тех, кто употреблял этот апокриф. Представить себе, что эрудированные богословы, Кирилл и Мефодий могли воспользоваться сомнительным апокрифическим термином для перевода с греческого на славянский язык, невозможно ни при каких обстоятельствах.

Поэтому не очень понятна логика М. Фасмера и других исследователей — зачем искать назальность в тех языках, где ее исторически нет³², игнорируя огромный массив славянских диалектов, которые просто «сочатся» назальностью.³³ Все говорит о том, что это слово через

---

²⁸ Из акающей фонетики этого славизма можно сделать уверенный вывод, что эта лексема была заимствована в проторумынские диалекты достаточно рано, до начала общеславянской лабиализации «А» → «О», т. е. в VI–VII веках. Кроме этого, есть еще одна интересная особенность — румынский язык, смешав христианские и языческие космогонические названия латинских дней недели (воскресенье — лат. *solis*, рум. *duminică*; понедельник — лат. *dies Lunae*, рум. *luni*; вторник — лат. *Martis*, рум. *marți*; среда — лат. *mercurii*, рум. *miercuri*; четверг — лат. *Iovis*, рум. *joi*; пятница лат. *Veneris*, рум. *vineri*), пожертвовал днем Сатурна ради славянской субботы. Единственное рациональное объяснение — славяне занимались по субботам некими языческими ритуалами, сопровождаемыми, скорее всего, пиршествами и алкогольными возлияниями, что очень понравилось влахам.

²⁹ Венгерский язык на рубеже IX–X вв., как и готский в IV в., демонстрирует частичное заимствование названий дней недели из языка той народности, которая познакомила его с парадигмой 7-дневной недели, т. е. из диалекта моравских славян (среда — *Szerda*, четверг — *Csütörtök*, пятница — *Péntek*, суббота — *Szombat*).

³⁰ Вряд ли можно сомневаться, что именно это слово из народных глосс было позаимствовано Мартином Лютером, писавшим в начале XVI в. свою протестантскую библию на средневерхненемецком, для обозначения субботы в противоположность католическому латинскому термину. Поэтому и в наши дни мы видим современное немецкое слово *Samstag* со следами славянской назальности.

³¹ См., например, Иоанн 9:13-9:16 и Лука 14:1-14:6 о дискуссии Христа с фарисеями о праве врачевать в субботу.

³² Несмотря на то, что элементы назальности в фонетике греческого языка есть (*ἄγγελος*), назальные гласные в общепринятом смысле отсутствуют в доаттических диалектах, в классическом древнегреческом, в эллинистическом койне, византийском и новогреческом языках.

³³ Именно в южнославянской и моравской артикуляции проявляется то явление, которое у Фасмера названо «вторичной назализацией», т. е. коллективной фонетической ассимиляцией, назальным произношением ранее неназальной гласной под влиянием назальной фонетики в других словах.

большой юс уже было в недошедших до нас самых первых текстах Кирилла и Мефодия, иначе трудно объяснить его сакрализацию и употребление в такой назальной форме в церковных текстах, даже когда назальные гласные в разговорных глоссах исчезали.

Слово **Њ1АІЮА/сжбота** — первый и самый яркий пример «принудительной юсинизации», но далеко не последний. Некоторый хаос и неразбериха с употреблением юсов возникает в Болгарском царстве при переходе на кириллицу в первой половине X в.

Крестив Болгарию в 864 г. и приютив в 886 г. бежавших из Моравии от конфликта с католиками учеников св. Мефодия — Наума, Климента и др., царь Борис I получил церковные книги на новом славянском алфавите, на глаголице. Но этот алфавит был неудобен для юридических и хозяйственных целей госаппарата — все раннеболгарские надписи были сделаны на тюркском и славянском языках греческими буквами. Кроме непонятной глаголицы, новая религия была воспринята в штыки многими представителями верхних страт (вспомним попытку языческого реванша старшего сына Бориса, князя Владимира), поэтому на базе греческого алфавита был разработан новый, устраивающий всех славянский алфавит — кириллица и началось интенсивное переписывание на нем всей церковной литературы. Поскольку вследствие территориальной экспансии при Симеоне I количество церквей стало резко увеличиваться, церковной литературы банально не хватало, можно предположить, что часть литературы переводилась и переписывалась с греческого оригинала, а не с глаголических текстов солунских братьев. Разумеется, в этой ситуации писцы употребляли славянские слова с фонетикой на их родном языке, который вполне мог отличаться от канона Кирилла и Мефодия.

По-видимому, здесь наблюдается ситуация, которая и так ясна из фонологической славянской динамики. Существование такого явления, как «восточнославянское полногласие» и отсутствие его аналогов в южнославянских языках говорит о том, что закон открытого слога в древнеболгарском языке исчез существенно раньше, чем в восточнославянских диалектах, до появления славянской письменности. Соответственно, к первым десятилетиям X века, назальные гласные в народных болгарских говорах или уже исчезли (но память о них сохранилась), или находились в поздней стадии исчезновения.³⁴

Военные и дипломатические успехи Симеона I увенчались в 919 г. принятием Болгарской церковью автокефалии, т. е. она встала вровень с кафедрами христианской пентархии — Римской, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской церквями. Оказавшись в одном ряду с такими древними авторитетами, переписчики церковной литературы начали, сознательно или подсознательно, искать средства для искусственного удревления своих текстов. И здесь, похоже, заработали законы социолингвистики — вставление уже исчезнувших назальных юсов, вместо гласных, которые являются продуктами их распада, стало престижным, поощряемым и распространенным явлением. Причем эта «принудительная юсинизация», как и в слове **сжбота**, иногда касалась тех гласных, предки которых никогда не были назальными.³⁵

³⁴ Подчеркнем, что это относится именно к южнославянским языкам рубежа IX–X вв., и в первую очередь — к древнеболгарскому. В моравских диалектах ситуация была иная — там назальность устойчиво сохранялась до венгерской оккупации 896 г. и видна в славизмах в венгерском языке: *rend* «ряд, порядок», *gomba* «гриб» (ср. чеш. *houba*, словак. *huba* и словен. *goba*), *galamb* «голубь».

³⁵ М. Козловский утверждает, что в изображении евангелиста Луки в Остромировом Евангелии его имя три раза пишется через большой юс [18, с. 100]. Надо понимать, что речь идет про лист #87 об., где действительно изображен пытливый мужчина с аккуратной бородкой и над его тонзурой выведены символы ЛЖКАС. В основном тексте это имя пишется корректно, через оу. Излишне говорить, что в греческом имени Λουκάς никогда не было никакой назальности.

Еще больший хаос в употреблении или неупотреблении юсов возник после уничтожения Болгарского царства и автокефалии Охридской церкви в 1018 г. Например, в глаголическом Мариинском кодексе, написанном в середине XI в., слово «суббота» уже пишется через **Ī**, а не через **1, ŃĪĀĪŌĀ** — **сѡбота**. Поскольку И.В. Ягич достаточно уверенно относит фонетику этого текста к сербо-хорватской³⁶, такая потеря назальности легко объяснима с политических и социолингвистических позиций. Сербия, крестившись еще в VII в.³⁷, прекрасно знала неназальную фонетику греческих и латинских церковных текстов. Освободившись от болгарской оккупации, сербские священники освобождались и от того, что они считали «болгаризмами» в церковных текстах. Очевидно, что назальные гласные в сербских разговорных глоссах уже были к этому времени, к XI в., утеряны, «Q» уже перешло в «O».

С этих позиций мы можем подойти к анализу ошибок в употреблении юсов в первых древнерусских текстах. Здесь видна некоторая парадоксальность — количество «прямых» ошибок по замене назальной гласной неназальной гласной и «обратных», по замене неназальной гласной назальной гласной, примерно одинаково. Например, в Новгородском кодексе, замена **ж** и **ѣж** на их неназальные аналоги **юу** и **ю** выявлены в 8 % случаев, обратная замена — в 6 %; **А** → **Ѣ** в 8 %, обратная замена — в 11 % случаях употребления [9, с. 7]. В Остромировом Евангелии «прямые» ошибки — замена **юу** вместо **ж** выявлена 41 раз, **ю** вместо **ѣж** 136 раз, «обратные» ошибки — **ж** вместо **юу** 44 раза, **ѣж** вместо **ю** 62 раза [18, с. 100–102]. Эта статистика ставит под сомнение основные тезисы рассуждений об отсутствии к моменту опубликований этих текстов назальности в древнерусском языке:

- а) русские переписчики были знакомы с каноническим южнославянским протографом, в котором юсы были расставлены правильно;
- б) русские переписчики делали ошибки, писали «как произносится», подменяя символы назальных юсов на результаты их распада в своем живом языке.

Если бы эти тезисы были верны, то количество «обратных» ошибок было бы ничтожно по сравнению с количеством «прямых», это были бы случайные описки.³⁸ Отсюда можно сделать только один вывод — единого канонического протографа с правильным употреблением юсов у русских переписчиков не было. Был набор источников, написанных болгарскими писцами разных поколений, где могли стоять назальные юсы, а могли стоять продукты их распада. Ученики из Древней Руси, присланные Владимиром Святославовичем после крещения в 988 г., столкнулись с хаосом: вместо канонического шаблона и стандарта в написании юсов они получили в качестве нормы полное отсутствие какой-либо нормы. Будущее показало, что, получив такой урок вольготного обращения с юсами, русские писцы усвоили его и начали после распада своих назальных гласных подменять йотированную **А**, **Ѣ** символом малого юса, **А**.

³⁶ Отступление от правильного употребления становится многозначительным, оно <...> выдает родину писца, которая судя по некоторым другим признакам могла быть только в предѣлах сербо-хорватского племени. [19, с. 424]. Сейчас, через сто лет после смерти Игнатия (Ватрослава) Викентьевича Ягича (†1923), современные лингвисты полностью разделяют его точку зрения.

³⁷ [10, с. 140–143]. Константин Багрянородный приписывает крещение сербов еще императору Ираклию (правил в 610–641 гг.).

³⁸ Если считать, что «прямые» ошибки делались переписчиками из-за невнимательности, рассеянности и потери концентрации, то концепция «гиперкоррекции», в результате которой появляются «обратные» ошибки [13, с. 43] подразумевает, наоборот, сконцентрированность на тексте. Но тогда в Новгородском кодексе их вообще не должно быть — писец, использующий восковую табличку, в такой ситуации должен был затереть лопаткой стилуса неправильную букву и вписать на этом месте правильную.

Крестив Русь, Владимир ввел богослужение и церковные книги не на греческом, а на церковнославянском, т. е. на древнеболгарском языке.³⁹ Существенная часть церковной лексики была почерпнута от болгар, а не из греков — *церковь* (ц. слав. *Цръкы*, болг. *църква*, греч. *Εκκλησία*); *алтарь* (ц. слав. *Алтáрь*, болг. *олтар*, греч. *βωμόс*), *крестильня* (ц. слав. *Крестíльня*, болг. *кръщелен*, греч. *βαπτιστικός*) и т. д. Среди библейской лексики в древнерусский язык попало и слово «суббота», которое, судя по Остромирову Евангелию, писалось в середине XI в. через большой юс.⁴⁰ Поскольку это слово присутствовало не только в церковных литературе, но и в значении дня недели — в бытовой лексике, естественен вопрос, как же оно произносилось в разговорных глоссах?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется сделать экскурс в другой исторический период и в другую географическую зону. В середине XIII в., после татаро-монгольской экспансии, на завоеванных территориях, между Золотой Ордой, Чагатайским ханством и Ильханатом, сформировалось общее культурное и лингвистическое пространство. В таблице 1 приведены названия дней недели из словарей тюркских и иранских языков:

Таблица 1

Названия дней недели из словарей тюркских и иранских языков

	воскресенье	понедельник	вторник	среда	четверг	пятница	суббота
Современные тюркские языки							
айзербайджанский	bazar günü	bazar ertəsi	çərşənbə axşamı	çərşənbə	cümə axşamı	Cümə	şənbə
башкирский	йәкшәмбе	дүшәмбе	шишәмбе	шаршамбы	кесе йома	йома	шәмб
казахский	Жексенбі	дүйсенб	сейсенбі	сәрсенбі	бейсенб	жұма	сенбі
киргизский	Жекшемби	Дүйшөмбү	Шейшемби	Шаршемби	Бейшемби	Жум	Ишемби
татарский	Якшәмбе	Дүшәмбе	Сишәмбе	Чәршәмбе	Пәнжешәмбе	Fridayомга	Шимбә
турецкий	Pazar	Pazartesi	Salı	Çarşamba	Perşemb	Cuma	Cumartesi
туркменский	Sundayekşenbe	Duşenbe	Sişenbe	Çarşenbe	Peňsenbe	Juma	Şenbe
узбекский	yakshanba	dushanba	seshanba	chorshanba	Payshanba	Juma	shanba
уйгурский	jəkşənbə	düşenbe	seyşənbə	charshənbə	pəjšənb	jumə	şəmbə
Современные иранские языки							
фарси	йекшәмбэ	дошәмбэ	сэшәмбэ	чәһаршәмбэ	пәнджшәмбэ	джом'а	шәмбэ
пушту	itvār	dushambá	seshambá	chahārshambá	pandzhshambá	dzhám ^l a	shambá
таджикский	Якшанбе	Душанбе	сешанбе	Чоршанбе	Панчшанбе	Чумъа	шанбе
курманджи	Yekşem	Duşem	Sêşem	Çarşem	Pêncşem	Roja Înê	Şemî

Составлено автором

Очевидно, что словообразующей основой здесь выступает понятие *шамбе/şənbə/şenbe* в значении «суббота». Названия остальных дней образуются с помощью префиксов с иранскими числительными — *yek+şembe* — первый день после субботы, *du+şembe* — второй день после

³⁹ По-разному можно относиться к гипотезе Приселкова-Шахматова [20, с. 29] о том, что Владимир специально подчинил русскую церковь не Константинопольскому, а Болгарскому (Охридскому) патриархату, но вряд ли внедрение новой религии могло проходить по-другому. Греческий язык в тот момент знало несколько сот русских купцов, да и то на уровне торгового пиджина. Киевская Русь в 988 г. физически не была готова принять ортодоксию Константинопольского образца, не было письменности, не было грамотных людей, не было мест богослужения, не было клира, не было ничего. Все это Русь могла получить только у Болгарии, поскольку древнеболгарский и древнерусский языки были очень близки. И получила — в 1051 Ярослав Мудрый даже задумался об автокефалии и назначил славянского митрополита Илариона.

⁴⁰ Как мы уже показали выше, термин «суббота» попал в общеславянскую лексику в интервале IV–V вв. Но как он произносился в восточнославянских диалектах до христианизации по болгарскому канону — с назальностью, как у южных славян или без назальности, как у поляков, неясно.

субботы и т. д. Поскольку носители всех приведенных языков исламизированы, то название дня «пятница» заимствовано из арабского *jumea*, «день молитв».

В этимологических языках татарского и башкирского языков принято считать, что и слово *шамбе*, и названия остальных дней недели позаимствованы из фарси — в XIII в. Именно персидский был языком учености и литературы. Однако с этимологией этого слова возникают проблемы — его нет в Авесте, его нет в текстах Ахеменидов. Судя по тому, что это слово отсутствует в «A Concise Pahlavi Dictionary» Д.Н. МакКензи (1971) и в этимологическом словаре «Altiranische Wörterbuch» Кристиана Бартоломео (1904), его нет в «пехлеви», т. е. в среднеперсидских текстах Сасанидов. Оно явно не арабское: в современном устном фарси сохранился его синоним *sābt*, из арабского *alsabt*, «суббота». Этого слова нет в четырехтомнике тюркских и монгольских заимствований в фарси Герхарда Дорфера (1963–1975).

Основная гипотеза, которую мы можем предложить, это слово было заимствовано из разговорных древнерусских глосс в назальной форме, *сѣбота*, при первых контактах с кыпчаками-половцами во второй половине XI в. Далее, распространившись по всей степи Дешт-и-Кипчак, оно вошло к XIII веку в лексику татаро-монгольских завоевателей. Поскольку язык завоевателей использовался в делопроизводстве, эта лексема попала в письменность фарси Ильханата, вытеснила арабизм *sābt* и оттуда, как иранизм, вернулась в часть тюркских языков, чьи народы относились к Золотой Орде. Несмотря на то, что эта гипотеза, казалось бы, несколько усложнена и искусственна, она достаточно хорошо согласуется с историческими и лингвистическими фактами.

Современный турецкий язык, чья лексика формировалась докыпчакскими племенами, огузами и завоевателями Малой Азии сельджуками, как видно из таблицы, только частично позаимствовал «шамбе-ориентированную» лексику. Современный монгольский язык, в котором, возможно, и была эта лексика, позже вытеснил ее и заимствовал современные названия дней недели из тибетского при принятии буддизма.⁴¹

Татаро-монгольские завоевания Индии продолжались с 1221 г. практически весь XIII век, что привело к появлению «назальной субботы» как в индо-арийских⁴², так и дравидийских⁴³ языках Индостана.

Исторический нарратив говорит о том, что первые контакты Руси с кыпчаками-половцами состоялись в 1055 г., первая битва в 1061 г., после чего амбивалентные отношения взаимных нападений, политических и брачных союзов продолжались до татаро-монгольской агрессии 1240-х.

С 1078 г.⁴⁴ половцы были инкорпорированы в феодальные междоусобицы русских князей, а те, в свою очередь, участвовали в междоусобицах половецких ханов. Отсюда можно уверенно констатировать, что в конце 1070-х сформировалась лексическая основа русско-кыпчакского пиджина. Как мы уже писали выше о принятии славянами парадигмы

⁴¹ Примерами заимствований из тибетского языка являются названия дней недели: *даваа* «понедельник», *мягмар* «вторник», *лхагва* «среда», *пүрэв* «четверг», *баасан* «пятница», *бямба* «суббота», *ням* «воскресенье», см. [21, с. 35].

⁴² бенгал. শনিবার *Śanibāra*, гуджарати શનિવાર *Śanivāra*, маратхи शनिवार *Śanivāra*, непал. शनिबार *Śanibāra*, панджаби ਸਨੀਵਾਰ *Śanivāra*, сингал. ඔසවරදා *enasurādā*, хинди शनिवार *shanivaar*.

⁴³ каннада ಶನಿವಾರ *Śanivāra*, малайлам ശനിയാഴ്ച *shaniyaazcha*, тамил. சனிக்கிழமை *Caṇikkīḷamai*, телугу శనివారం *Śanivāram*.

⁴⁴ ПВЛ за 1078 г. свидетельствует о начале использования половцев в княжеских усобицах «**приведе Гӱлегы и Борисы поганых на Рускую землю. и поидоста на Всеволода с Половць**».

7-дневной недели, для совместных боевых действий необходимы согласование и синхронизация, т. е. должны быть единые представления о хронологической шкале.

Ряд источников заставляет предположить, что посредничество половцев было базовым вариантом внешней торговли Руси с Византией и странами ислама.⁴⁵ Есть определенные сведения, что часть половцев принимала христианство, т.е. знакомилась с церковной лексикой [23, с. 37–38]. Поскольку контакты половцев с носителями проторумынских диалектов и носителями венгерского языка, где слово «суббота» произносилось также назально, произошли более чем столетием позже⁴⁶, чем с русскими, эта лексема явно попала в кыпчакский язык именно из древнерусских разговорных глосс.

Исходя из всего приведенного выше массива информации, можно уверенно утверждать, что попало оно в назальной форме: из фонетики этого слова в современных наследниках кыпчакского языка реконструируется рефлекс *šembe или *šenbe. Отсюда следует, что в 1078 г., когда начались первые военные союзы князей с половцами, это слово на Руси все еще произносилось назально. Распад этой назальности стоит, по-видимому, отнести к последнему десятилетию XI в.: в Архангельском Евангелии 1092 г. из 30 упоминаний слов с корнем «суббот*» и сокращений этих слов в основном тексте только один раз это слово пишется через **ж**, остальные — через **ю** [24, с. 593].

ЛИТЕРАТУРА

1. Селищев А.М., Старославянский язык. Часть 1. Введение. Фонетика. М. Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1951 — 330 с.
2. Vasmer M., Die Slaven in Griechenland [Славяне в Греции] // Zentralantiquariat der DDR, Leipzig 1970 — 350 с. — (На нем. яз.).
3. Свод древнейших письменных известий о славянах, под. ред. Гиндина Л.А., Литаврина Г.Г., Том I (I–VI вв.), // М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994 — 472 с.
4. Петрович Э., Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики // *Romanoslavica* 1958 — Т. 1 — С. 9–26.

⁴⁵ Полезные сведения о русско-половецкой торговле мы можем почерпнуть из анонимного персидского географического трактата ‘Аджā’Иб Ад-Дунайā (Чудеса мира), написанного в интервале 1220–1231 гг. и отражающего ситуацию в конце XII — начале XIII веков. Автор этого сочинения, по-видимому, происходил из купеческой среды [22, с. 25], и поэтому из 309 описаний городов и областей в 191 случае описаны товары, характерные для тех мест [22, с. 176–245]. Про Русь там сказано следующее: «(Рус) — большая страна, в ней много людей, они — светловолосые, дерзкие, кровожадные и глупые. Местные товары: доспехи, ремни, русский лен и русская пряжа известны, (оттуда) большое количество рабов и рабынь», см. [22, с. 206]. Поскольку и путь «из варяг в греки» и все иные торговые пути на юг были перерезаны теми же половцами, то все эти товары могли попадать на исламские рынки только при их посредничестве. Рабов они могли захватывать при набегах, но вряд ли можно предположить, что при набегах захватывались товарные партии доспехов, ремней, льна и пряжи — здесь явно идет речь о регулярной торговле.

⁴⁶ Для того чтобы попасть в области, где проживали носители этих языков, половцам надо было преодолеть территории, относящиеся к болгарам. Но первые упоминания о половецко-болгарских взаимоотношениях относятся к 1186 г., когда кыпчаки помогали болгарам свергнуть византийское владычество и создать 2-е болгарское царство.

5. Матеріалы для словаря Древне-Русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, трудъ И.И. Срезневскаго, СанктПетербургъ, Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. 1–3, 1893–1912 гг.
6. Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера в 4-х томах, под ред. О.Н. Трубачева, М., «Прогресс», 2-е издание, 1986–87.
7. Lamprecht A., Praslovanština [Праславянский], // Vyd. 1. V Brně.: Univerzita J.E. Purkyně [Изд. 1. В Брно.: Университет Дж.Е. Пуркине], 1987 — 196 с. — (На чеш. яз.).
8. Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. // Минск, «Наука и техника», 1979 — 216 с.
9. Зализняк А.А., Янин В.Л., Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы Языкознания 2001 — № 5 — С. 3–25.
10. Константин Багрянородный, Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий, под ред. Литаврина Г.Г. и Новосельцева А.П., // М., «Наука», 1991 — 496 с.
11. Галинская Е.А. О хронологии некоторых изменений в вокализме праславянского языка / Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А. Хабургаева. // М, 1993 — С. 35–46.
12. Браичевский М.Ю., «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного / Академия наук Украинской ССР. Институт археологии. Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология): Сборник научных трудов. — Киев, Наукова думка. 1985 — 12 с.
13. Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. // М., Издательство Московского Университета, 2009 — С. 159 с.
14. Зализняк А.А., Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М. 2003 — С. 190–212.
15. Иванов А.О., Слейв? Склавос? Сакалиба? Этюды рабовладельческой и работорговой лингвистики. Европейская работорговля славянами в IX–XIII веках. // СПб, «Свое издательство», 2015 — 217 с.
16. Лев Диакон. История. перевод Копыленко М.М., под ред. Литаврина Г.Г. // М., «Наука» 1988 — 239 с.
17. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Западноевропейские источники. Составление, перевод и комментарий А.В. Назаренко. // М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010 — Т. 4 — 503 с.
18. Козловскій М.М., Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія. // Изслѣдованія по русскому языку. // СПб., 1885 — Т. 1 — С. 1–127.
19. Памятникъ глаголической письменности. Маріинское Четвероевангеліе съ примѣчаніями и проіложеніями. Трудъ И.В. Ягича. // СПб, Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, 1883 — 643 с.
20. Перевушин М.В., Информационная война в Древней Руси // М., Вестник славянских культур, — 2016 — № 3(41) — С. 24–36.

21. Ульзетуева З.Д., Современный монгольский язык // Чита, Издание Читинского Государственного Университета, 2010 — 232 с.
22. Смирнова Л.П., 'Аджā'Иб Ад-Дунайā (Чудеса мира) // М., «Наука», 1993 — 540 с.
23. Инков А.А., К вопросу о распространении христианства среди кочевых народов южнорусских степей в домонгольское время. // Научные труды Московского Гуманитарного Университета, 2015 — № 5 — С. 33–40.
24. Архангельское Евангелие 1092 г. Исследования. Древнерусский Текст. Словоуказатели. под ред. Мироновой Т.Л. // М., Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997, 674 с.

Ivanov Alexei Olegovich

E-mail: lesha-ivanov@yandex.ru

Once again to the problem of the chronology of the emergence and decay of Slavic nasal vowels

Abstract. We show that already in the very first examples of Slavic vocabulary that has come down to us in the 6th–8th centuries. (Slavic onomastics in Byzantine sources, Slavic toponymy in Greece, Slavisms in the Romanian language) there is a fairly large layer of terms with nasal vowels. This quite convincingly suggests that the phonetic phenomenon under discussion arose in Proto-Slavic times, even before the Slavs themselves appeared on the historical arena. Analyzing the decay of nasal vowels in the East Slavic language, we show that the generally accepted argument about the disappearance of these vowels in the 10th century, based on the names of the Dnieper rapids by Constantine Porphyrogenitus (Νεασήτ and Βερούτζη), is very weak. Data from Byzantine sources, for example, the mention of the name Svyatoslav in the form Σφενδοσθλάβος/Σφενδοσθλάβον in the treatise of Leo the Deacon, describing the events of 971/972, convincingly indicate that nasality in princely anthroponymy in the 10th century. was still preserved. We show that the thesis about the disappearance of nasal vowels in Rus' in the 10th century, which has acquired the character of an imperative ideologeme in the modern linguistic environment, is incorrect both in form and in essence. The chronology of nasal vowel decay was determined by the specific vowel. Anthroponyms with small yus retained their nasality until the second — third decades of the 11th century. Using the example of the lexeme сѣбота, we demonstrate that its nasal phonetics were borrowed into the Kipchak dialects during the first contacts of the Russian princes with the Cumans in the middle of the 11th century. The term shambe / ʃənbə / ʃenbe will become the basis for designating the days of the week in Iranian and a number of Turkic languages. Nasality in the pronunciation of words with a major yus in the Old Russian language was lost only in the last decades of the 11th century.

Keywords: nasal vowels; yus; Slavic toponymy; tawny owl; Dnieper rapids; princely anthroponymy; Saturday; Polovtsy